

933
Т

Издание III. Б. п. 3
П. С. Издательство

КЪ ДВУХСОТЛѢТІЮ СТОЛИЦЫ

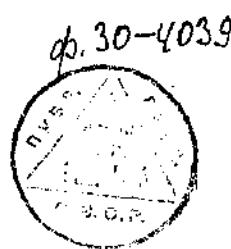
С.-ПЕТЕРБУРГЪ ВЪ ПЕТРОВО ВРЕМЯ.

1703.

1903.

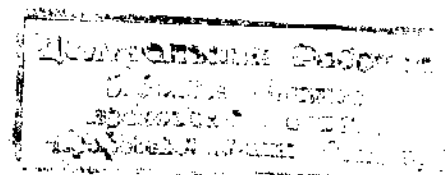
23728
СПИСАНО 1929 г.

Иллюстрированный историческій очеркъ

И. Н. БОЖЕРЯНОВА.

200.

Издание X. КРАУЗЕ.

Дозволено цензурою С.-Петербургъ, 5 Юня, 1901 года.

2004127557

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

На стр.	И.	Напечатано.	Читай.
«	II.	не вѣрною	вѣрною
«	IV	1783 года	1782 г.
«	V	пропущено объясненіе F	F Исаакіевскій мостъ.
«	13	VIII вѣка	XVIII вѣка
«	36	Кнабе	Рабе
«	41	Гамберсъ	Чамберсъ
«	50	жалованія	званія
«	54	Афтографъ	Автографъ
«	«	писанныхъ	писанныхъ писемъ

ОТЪ АВТОРА.

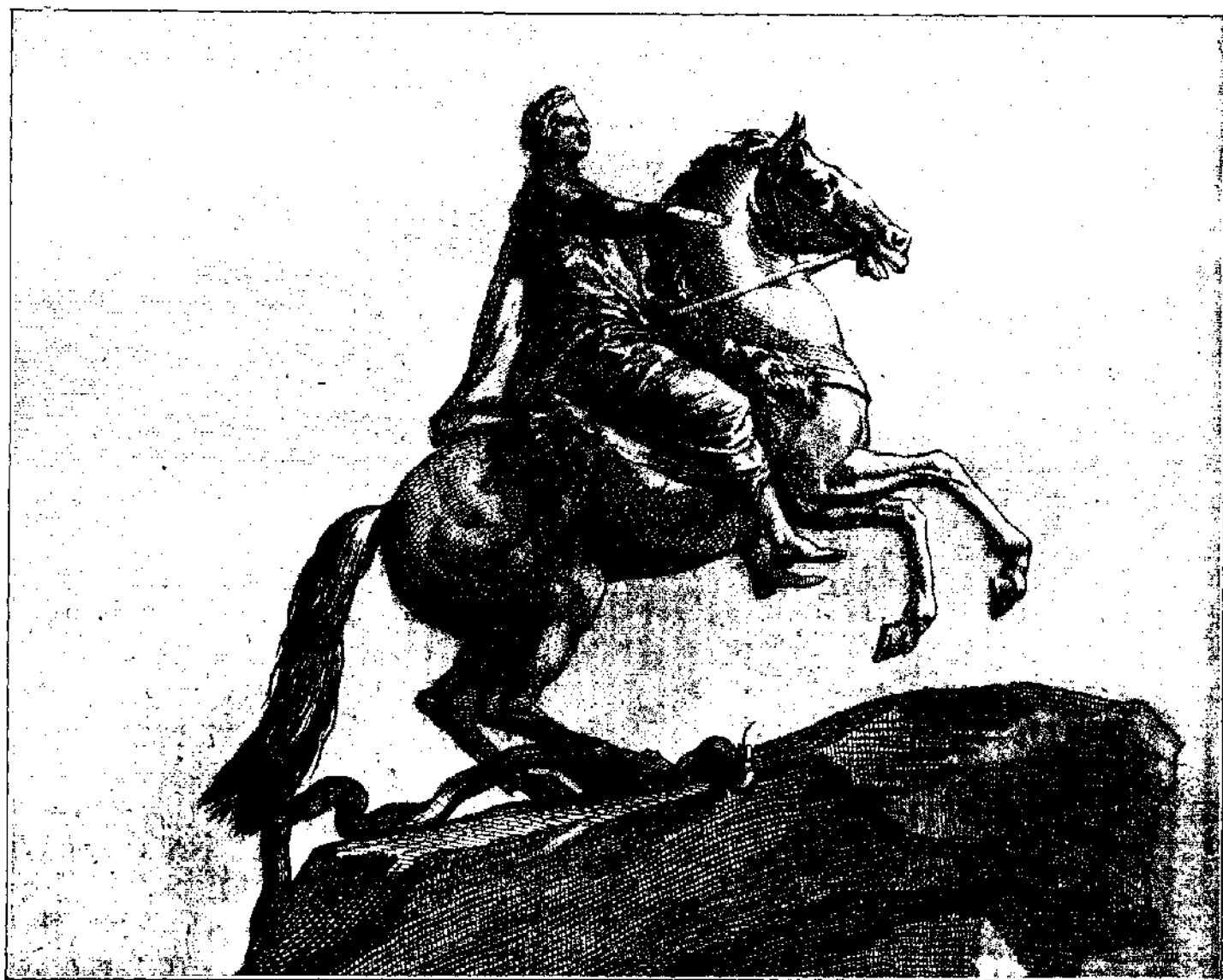
Отдавая на судъ публики первый выпускъ настоящаго моего труда, я считаю не лишнимъ сказать, что моей работѣ не мало способствовалъ самъ его издатель, г. Краузе, въ лицѣ котораго я встрѣтилъ не только полную готовность осуществить всѣ мои предложенія относительно плана предпринятаго имъ изданія, но даже идти далѣе предѣловъ начертанной сперва программы. Такъ вмѣсто предположенныхъ для каждаго выпуска 4—6 листовъ, цѣною отъ 40 до 50 коп. издатель нашелъ возможнымъ въ первомъ-же выпускѣ дать 10 листовъ за 60 коп., т. е., другими словами, понизить цѣну съ 10 коп. до 6 коп. за печатный листъ и вмѣстѣ съ тѣмъ объявить подписку на всѣ три выпуска «Петербурга въ Петрово время» за 2 рубля, причѣмъ слѣдующіе выпуски своимъ объемомъ будутъ еще болѣе, чѣмъ первый, именно отъ 12 до 15 листовъ. Такимъ образомъ книга „Петербургъ въ Петрово время“ выйдетъ болѣе чѣмъ въ 35 печатныхъ листовъ, иллюстрированныхъ 300 гравюрами и будетъ по подпискѣ стоить всего два рубля, а такую цѣну нельзя не назвать не только дешевою, но прямо баснословною, не бывалою. Между тѣмъ возможность ея достигнута г. Краузе приѣмомъ объявленій въ свое изданіе, почему нельзя не пожелать его идеѣ полного успѣха, вѣроятность котораго, кажется, уже теперь несомнѣнна.

Что касается изложенія и иллюстрированія настоящаго моего труда, то нахожу необходимымъ пояснить слѣдующее: составляя „Петербургъ въ Петрово время“ я имѣлъ въ виду многочисленныхъ, но совершенно различныхъ по возрасту и образованію читателей, а потому свято помятовалъ слова, сказанныя мнѣ однажды покойнымъ историкомъ К. Н. Бестужевымъ - Рюминымъ, котораго я встрѣчалъ у Ф. Н. Берга, редактировавшаго „Русскій Вѣстникъ“, на страницахъ коего я сотрудничалъ съ 1889 по 1897 годъ. Именно, какъ-то разъ почившій извѣстный профессоръ Н. А. Любимовъ, передавая мнѣ свой газетный отзывъ о моемъ очеркѣ „Сватовство и женитьба Императора Александра I“, напечатанной въ „Русск. Вѣстн.“, находилъ во мнѣ несомнѣнный даръ къ популярному изложенію историческихъ статей къ чему присоединился и Бестужевъ-Рюминъ, сказавшій мнѣ: „Помните одно и всегда, что вашъ читатель серьезный человѣкъ и онъ вовсе не намѣренъ подчиняться вашему авторитету

потому только, что вы пишете книжки, но вы должны прежде всего внушить ему довѣріе—а довѣріе внушите вы ему тогда, когда, не поддаваясь ни подъ народную рѣчь и манеру, заговорите съ нимъ просто, толково и обстоятельно“. Я старался этого держаться въ настоящемъ своемъ трудѣ, но насколько въ томъ успѣлъ—судить о томъ не мнѣ.

Относительно иллюстрацій должно сказать, что почти всѣ онѣ изготовлены съ старинныхъ гравюръ изъ коллекціи П. Я. Дашкова, которому я въ предисловіи приношу особую благодарность, и важно, что онѣ невольно переносятъ насъ не только въ Петровскую, но и въ до Петровскую Русь, являя собою подлинныя памятники, рисующіе намъ людей и бытъ страны, а также свидѣтельствуютъ собою и о состояніи искусствъ въ эту отдаленную эпоху. При воспроизведеніи этихъ гравюръ имѣлось въ виду лишь та или другая величина возможная для ихъ уменьшенія, а не заранѣе опредѣленный размѣръ страницы, или части ея какъ то дѣлается во многихъ изданіяхъ еще до сихъ поръ. Размѣщеніе такого большого числа рисунковъ въ текстѣ, также требовало массы хлопотъ и заботъ; то приходилось уменьшать текстъ, то увеличивать, но практика перваго выпуска дала намъ, на будущее время, много опыта для улучшенія, какъ иллюстраціонной, такъ и текстуальной части.

Гравюра съ собственноручнаго рисунка Фальонета, ваятеля памятника Петра I.

Вмѣсто предисловія.

Летить—
Властительную длань простерши надъ Невою.
Россія!—Онъ гласить:
Будь первою державою земною!

Барисъ Оедоровъ.

Въ своемъ дневникѣ 1724 года Берхгольцъ рассказываетъ, что «графъ Растрелли подарилъ герцогу Голштинскому бюстъ своей работы Петра Великаго, сдѣланный изъ особаго рода гипса и окрашенный металлическою краскою, за что 19 февраля Берхгольцъ, въ благодарность отъ герцога, свезъ въ подарокъ графу 100 руб., при чемъ Растрелли показывалъ ему три модели, именно: конной статуи Императора, которая будетъ имѣть 34 фута вышины, пѣшей — вышиной въ 64 фута, и колонны, на которой будутъ обозначены всѣ побѣды Его Величества». Отсюда видно, что птенцы гнѣзда Петрова уговорили Монарха уже тогда соорудить себѣ памятникъ. Затѣмъ 22 іюля 1743 г. дочь Петра, Императрица Елисавета Петровна приказала сдѣлать два мѣдныхъ портрета статуи Петра Великаго. Одинъ изъ нихъ былъ отлитъ итальянцемъ, штука-

турныхъ дѣлъ мастеромъ Александромъ Мартелліемъ; по этому поводу, 19 августа 1764 г., Канцелярія отъ Строеній доносила Сенату, что статуя, сидящая на конѣ, сдѣлана Мартелліемъ и что онъ требуетъ 4003 руб., на окончательную отдѣлку памятника и на выдачу жалованья рабочимъ. Сенатъ рѣшилъ: такъ какъ ему неизвѣстно, будетъ ли угодно Ея Величеству приказать окончить эту статую, то пусть генераль-поручикъ Бецкій доложить объ этомъ Императрицѣ. 16 Октября Бецкій донесъ, что «вылитый изъ мѣди портретъ Петра Великаго, Государыня опробовать не соизволила въ разсужденіи того, что не сдѣланъ искусствомъ такимъ, каково-бъ должно представить Великаго Монарха и служить къ украшенію столичнаго города» (Журналъ Сената отъ вышеназваннаго числа). Впослѣдствіи этотъ памятникъ, найденный Императоромъ Павломъ I въ сараѣ, былъ поставленъ передъ новымъ Михайловскимъ Дворцомъ, нынѣ Инженерный Замокъ, и по приказанію Государя на немъ сдѣлана надпись: «Прадѣду Правнукъ». Ранѣе же памятникъ этотъ предполагалось поставить передъ зданіемъ Двѣнадцати Коллегій, теперешнимъ С.-Петербургскимъ Университетомъ. Въ слѣдующемъ 1765 г. Императрица Екатерина II въ письмѣ своемъ къ Вольтеру, благодаря за присланную имъ исторію Петра Великаго, сообща-

Англійская гравюра памятника Петру I.

Съ невѣрною надписью—1782 г.

сколько онъ ни былъ горячъ, но истина всегда брала надъ нимъ верхъ, и одно сіе заслуживаетъ, думаю, чтобъ ему воздвигнуть статую».

Въ 1766 году для составленія проэкта былъ вызванъ французскій скульпторъ Фальконетъ, ученикъ профессора парижской академіи художествъ Лемуана. Первоначальный проэктъ памятника Петру Великому былъ сдѣланъ Фальконетомъ безъ коня, и рисунокъ его помѣщенъ въ «Русскомъ Художественномъ Листкѣ» Тимма за 1862 г. (№ 28, отъ 10 Октября). Вторичный проэктъ памятника Петру Великому, въ которомъ Фальконетъ представилъ его скачущимъ на мощномъ конѣ на громадную скалу, удовлетворилъ желанію Императрицы. Но при этомъ представился вопросъ: какъ найти такой камень и какъ его доставить на мѣсто? Первоначальная мысль Фальконета была составить скалу изъ нѣсколькихъ камней, соединенныхъ желѣзными или мѣдными скобами, но бывший въ то время оберъ-полицеймейстеромъ въ С.-Петербургѣ графъ Карбурій доказалъ ненадежность такого пьедестала, котораго скобы отъ

ла: «Если-бы въ то время, какъ вы начали сіе твореніе, была я тѣмъ, что теперь, то бы я доставила вамъ многія другія записки. По истинѣ не можно довольно надивиться уму сего великаго человѣка. Я приказала собирать отовсюду оригинальныя его письма, и хочу ихъ напечатать. Онъ себя въ нихъ живо изображаетъ. Превосходнѣе всего въ его характерѣ было то, что

времени будутъ ржавѣть, ломаться, отчего и связь скалы можетъ, наконецъ, рушиться. Этотъ Карбурій сначала служилъ при Ив. Ив. Бецкомъ подъ именемъ кавалера Ласкари, какъ о томъ онъ самъ свидѣтельствуесть въ изданномъ имъ описаніи, въ Парижѣ въ 1777 году: «Monument élevé à la gloire de Pierre le Grand, ou relation des travaux et de moyens mechaniques» съ 12 листами гравюръ, изображающихъ всѣ машины и способы перевозки и обдѣлки камня.

Императрица признала мнѣніе графа Карбурія заслуживающимъ вниманія и нашла необходимымъ, согласно этому мнѣнію, Высочайше повелѣть представить проектъ постройки памятника на разсмотрѣніе въ Сенатъ, который, несмотря на значительныя издержки и затрудненія, утвердилъ заманчивую мысль Карбурія составить подножіе изъ одной скалы. Но такъ какъ нигдѣ не могли найти такого огромнаго камня, то снова готовы были отказаться отъ мысли

Карбурія и опять возвратиться къ модели Фальконе-та, но когда хотѣли приступить къ работѣ — явились новыя препятствія, которыхъ прежде не предвидѣли. Во время такого положенія дѣла о приисканіи нужнаго камня, къ Карбурію явился казенный крестьянинъ Семенъ Вешняковъ съ радостною для него вѣстію, что въ болотистомъ лѣсу, близь деревни Лах-

Торжество открытія памятника Петру I.
въ 1783 году.

ты, въ Кореліи, лежитъ огромный камень, на которомъ, по преданію, нѣкогда стоялъ Петръ Великій, обозрѣвая мѣсто сраженія при началѣ шведской войны. Скала находилась въ 21 верстѣ отъ Петербурга, лежала въ глубинѣ 15 фут., въ болотѣ, изъ которой возвышалась только на 7 футъ и имѣла 12 сажень длины, 3 ширины и 3 вышины и вѣсила до 100,000 пуд.

Не станемъ распространяться о подробностяхъ перевозки этого камня, скажемъ лишь, что даже жестокая зима 1770 года не остановила Императрицу Екатерину II со всѣмъ Дворомъ пріѣхать посмотреть на странствующую гору. Миниатюристъ-живописецъ Бларембергъ срисовалъ и сохранилъ для потомства картину этого посѣщенія. Наконецъ, 22 Сентября, въ день коронованія Екатерины, скала совершивъ 12 верстъ плаванія, проплывъ мимо Зимняго Дворца, прибыла благополучно къ тому мѣсту, противъ котораго на площади предположено было воздвигнуть памятникъ.

„И пала подъ стопы Петра“,

Какъ выразился поэтъ того времени Рубанъ, въ своемъ стихотвореніи:

„Колоссъ Радоскій свой смири кичливый видъ“

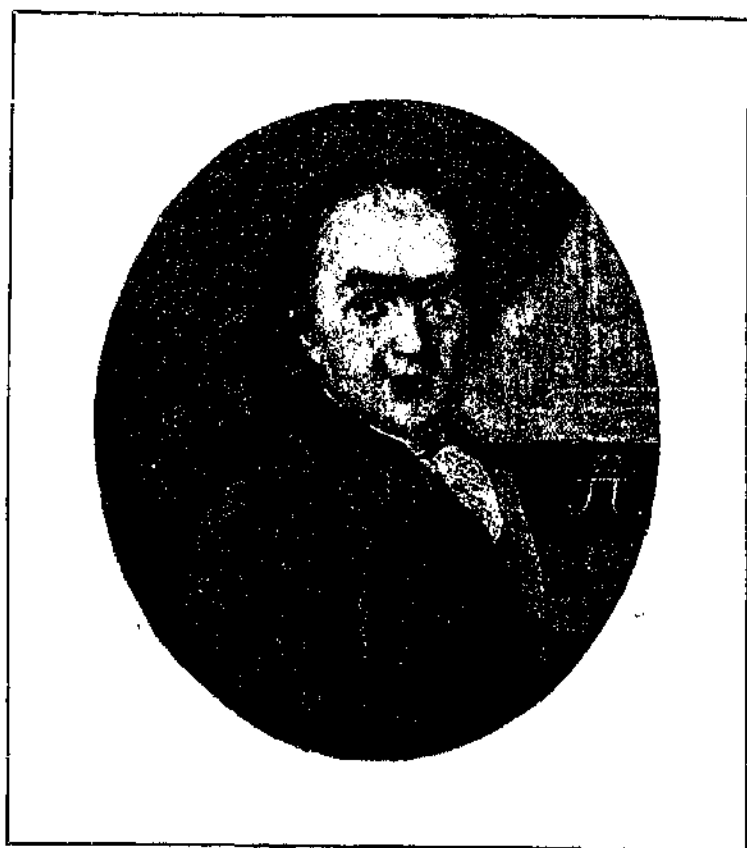
которое и теперь еще помѣщается въ нашихъ хрестоматіяхъ, между тѣмъ стихи, поставленные нами эпиграфомъ, сочиненія Б. Ѳедорова, современника Пушкина, мало извѣстны.

Въ память доставленія въ Петербургъ скалы, Екатерина II приказала выбить медаль, на одной сторонѣ которой изображена сама Императрица, а на другой—видъ камня съ надписью: «Дерзновенію подобно». Исторія перевозки камня изображена въ трехъ гравюрахъ намѣди, оттиски съ которыхъ хранятся въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

Модель самого памятника была окончена Фальконетомъ въ іюлѣ мѣсяцѣ 1769 года, и онъ, по этому случаю, писалъ одному изъ своихъ друзей слѣдующія строки: «Совершилъ я свою работу! О, если бы приведенный мною къ концу памятникъ, достоинъ былъ и Монархини, оный воздвигнувшей его, и великаго мужа, имъ изображаемаго; благоугоденъ той части народа, коего чувствительное сердце и высокій духъ обрѣтаетъ оную въ изящныхъ художествахъ; если бы оный не постыдилъ ни художества, ни моего отечества, тогда бы я могъ съ Горациемъ сказать: «не весь умру».

Голову Петра Великаго лѣпила сожительница Фальконета, ставшая потомъ его женою, госпожа Калотъ, а рисунокъ съ этой головы Петра, рисовальпервыйрусскій живописецъ Лосенко.

Сооруженіе всего памятника обошлось казнѣ въ 424,610 руб. ассигн., изъ которыхъ на Фальконета издержано 92,296 руб. Высота статуи съ ко-

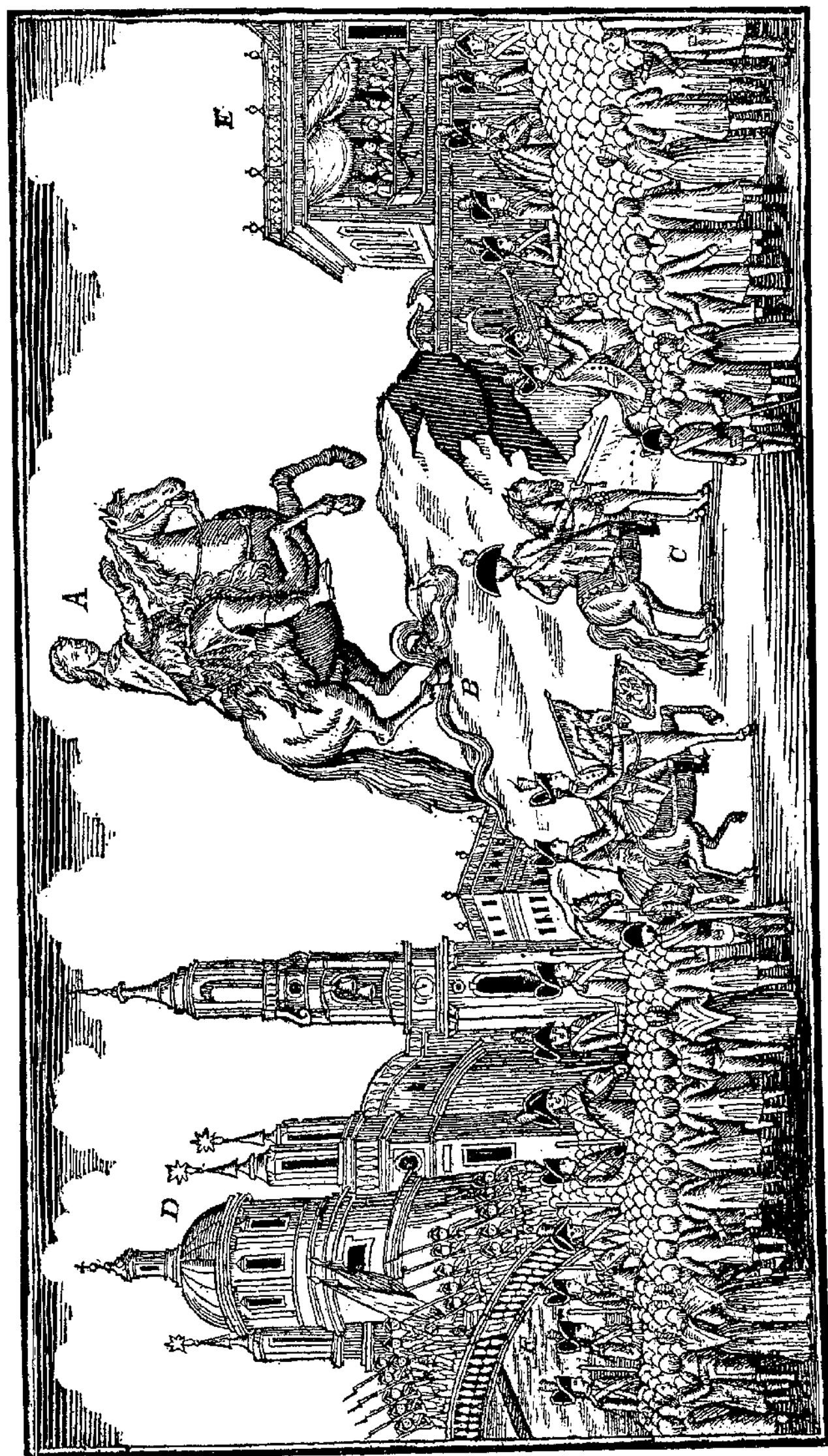

Ив. Ив. Голиковъ.

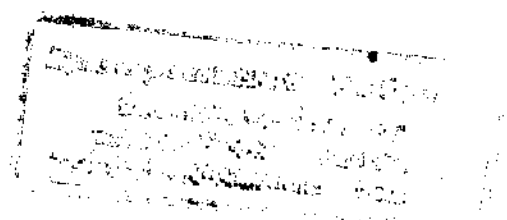
немъ отъ поверхности подножія 17¹/₂, а одноговсадника 11 фут.; вѣсъ всей статуи 1,100 пуд., для удержанія же равновѣсія въ задней части лошади положено 250 пуд. желѣза; скачь коня возвышенъ отъ горизонтальной линіи на 10°. Описаніе торжества открытія памятника Петру Великому напечатано въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» 1783 г.,

№ 79. Кромѣ того, въ Академіи Художествъ есть акварель, изображающая моментъ снятія полотна съ памятника. Императрица Екатерина II смотрѣла на церемонію открытія памятника съ балкона стараго Сената. «До открытія памятника, говоритъ С. Н. Глинка, туманъ застилалъ дневное сіяніе, но едва явился Петръ, сидящій на конѣ, солнце явилось въ полномъ блескѣ и раздались радостныя восклицанія жителей столицы, изъ которыхъ нѣкоторые еще помнили черты лица того, кѣмъ всегда увеселялись ихъ очи».

Другая медаль, выбитая по этому случаю, изображала съ одной стороны Августѣйшую строительницу памятника, а съ другой—видъ самого памятника. Таковую медаль изъ рукъ Императрицы, въ числѣ нѣкоторыхъ лицъ, удостоился получить, какъ читаемъ въ указанномъ номерѣ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», и «престарѣлый морякъ Матвѣй Дерезинъ, вступившій на службу при жизни Петра Великаго въ 1715 г., а уволенный въ отставку въ 1763 г. капитанъ-командоромъ, съ пенсіономъ по смерти его; отъ роду ему было 98 лѣтъ».

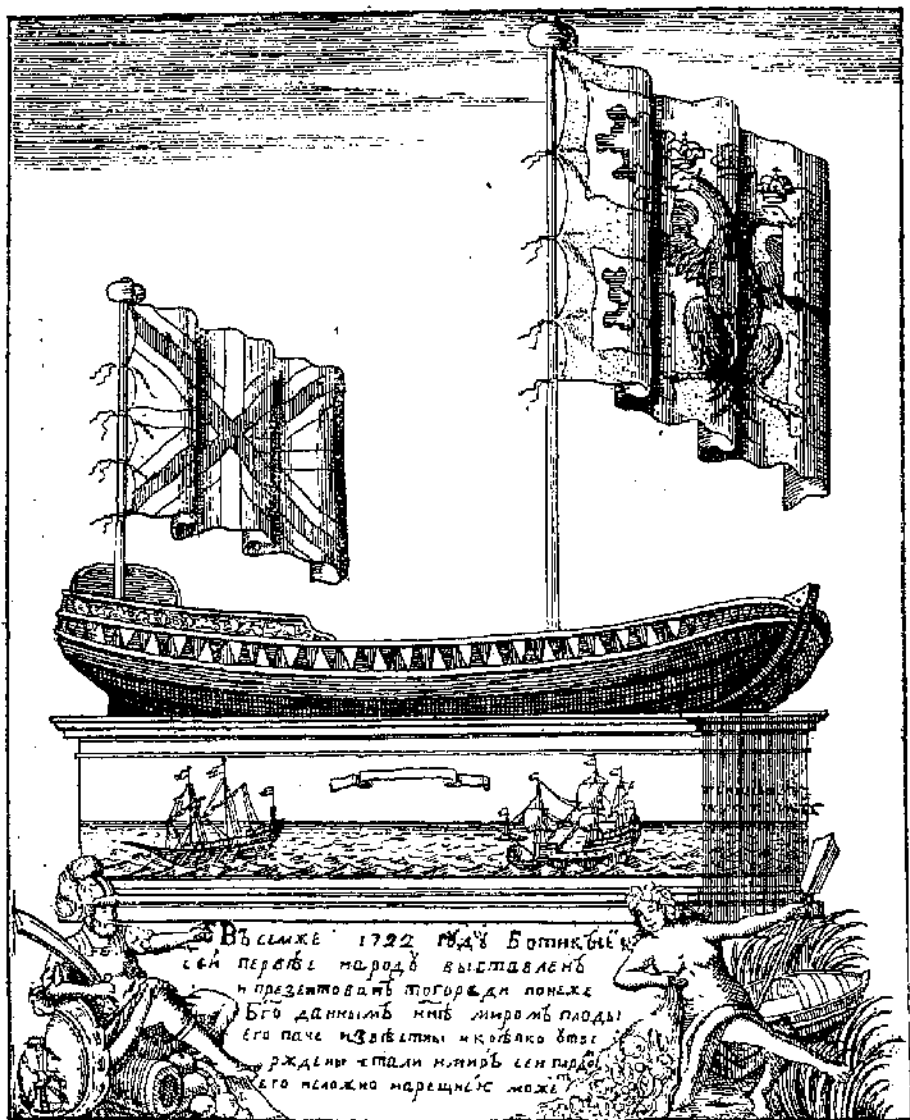
Нѣмецкая лубочная картинка, изображающая торжество празднованія 100-лѣтія С.-Петербурга.
 (А В—Памятникъ Петру І; С—Императоръ Александръ І; Д—Исаакіевскій соборъ; Е—Зданіе прежняго Сената).

Въ Высочайшемъ манифестѣ, данномъ по случаю открытія памятника Петру Великому, было объявлено о прекращеніи всѣхъ 10-ти лѣтнихъ тяжбъ, а также всѣ должники, просидѣвшіе 5 лѣтъ въ тюрьмѣ, освобождены, а всѣ государственныя долги, простиравшіеся не свыше 600 руб. прощены.

Благодаря этому манифесту былъ освобожденъ изъ тюрьмы извѣстный И. И. Голиковъ (1735†1801 г.), который спустя шесть лѣтъ, именно въ 1788 г. началъ издавать свой обширный сборникъ: «Дѣянія Петра Великаго, мудраго преобразователя Россіи». (М. 1788—90 г.), въ 12 объемистыхъ томахъ. Екатерина обратила вниманіе на изданіе Голикова и приказала открыть ему архивы, при чемъ Мюллеръ былъ ему очень полезенъ своими указаніями. Работа въ

архивахъ доставила возможность Голикову издать еще 18 томовъ «Дополненій къ Дѣяніямъ». Переходя отъ XVIII вѣка къ XIX столѣтію, мы видимъ, что, въ теченіе всѣхъ пяти царствованій этого вѣка, память о Петрѣ проходитъ тою же красною нитью. Такъ въ царствованіи Императора Александра I столица наша 16 Мая 1803 г. праздновала 100 лѣтній юбилей своего существованія. Въ этотъ день 20000 войска, предводимыя Александромъ I, проходя мимо памятника Петра I, воздавали ему воинскія почести. На Невѣ, напротивъ самаго памятника, былъ поставленъ 110 пушечный корабль «Гавріилъ», на палубѣ котораго былъ помѣщенъ ботикъ, подавшій Петру Великому мысль къ заведенію флота и извѣстный подъ именемъ «Дѣдушки русскаго флота».

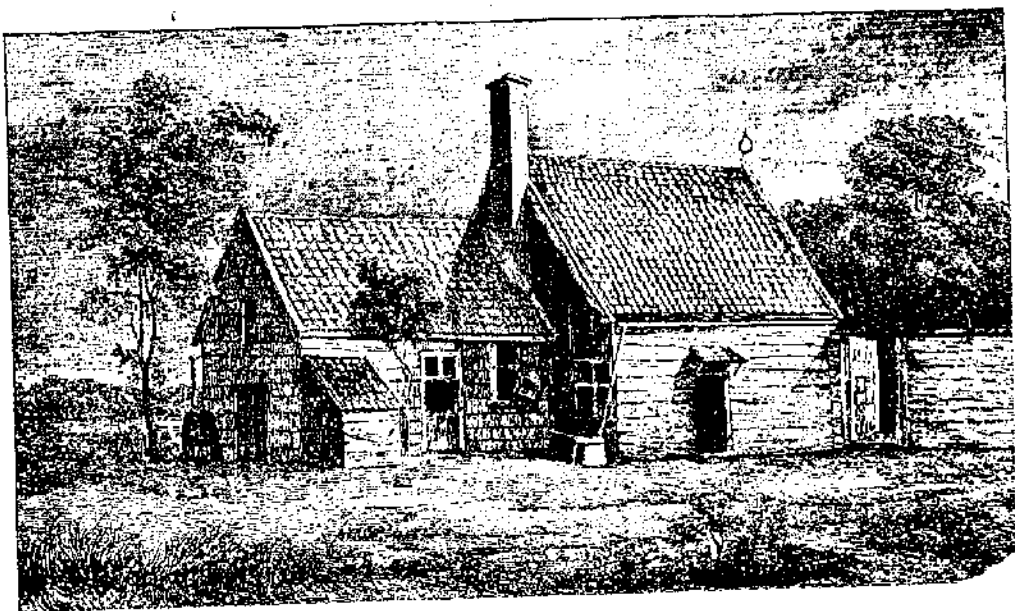
Дѣдушна русскаго флота.
Ботикъ Петра Великаго.

Четыре столѣтніе старца, современники Петра I, стояли на часахъ по сторонамъ ботика. Одинъ изъ нихъ, имѣвшій 107 лѣтъ отъ роду, служилъ подъ начальствомъ зиждителя флота и С.-Петербурга. Это участіе дѣдушки русскаго флота съ торжествомъ было знаменательно, такъ какъ въ первый разъ онъ былъ выведенъ, подъ Императорскимъ Штандартомъ самимъ Петромъ Великимъ на встрѣчу галеры, перевозившей мощи Св. Александра Невскаго изъ Владимірскаго Рождественскаго монастыря. Въ 1836 г. 3 Іюля Императоръ Николай I вывозилъ ботикъ на смотръ балтійскаго флота.

Вѣсть о 100 лѣтнемъ торжествѣ С.-Петербурга проникла даже въ Германію, гдѣ былъ изданъ лубокъ, изображающій моментъ начала церемоніи, когда Императоръ Александръ I, проходя во главѣ своихъ войскъ, салютуетъ саблею памят-

нику Петра. Эту гравюру мы помещаемъ какъ интересную памятку о первомъ юбилѣе С.-Петербурга.

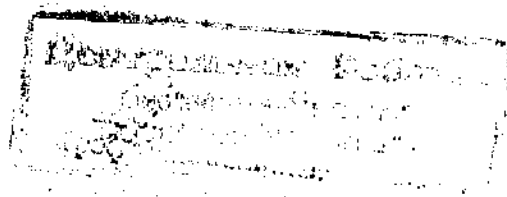
Золотая медаль поднесенная Государю по сему случаю отъ города С.-Петербурга, была возложена на гробницу Петра, передъ которою Екатерина II повергла первыя побѣдоносныя знамена, взятые русскими на Средиземномъ морѣ. На медали этой изображенъ барельевъ головы Петра I и надпись «Отъ благодарнаго потомства». Позже, въ 1809 г., ровно черезъ 100 лѣтъ послѣ Полтавскаго боя, въ г. Полтавѣ сооруженъ памятникъ Петру I. Въ царствованіи Николая I поставленъ памятникъ въ Владимірской губ., въ селѣ Веськовѣ, на берегу Плещеева озера, открытый 17 Августа 1852 г. При Императорѣ Александрѣ II Петербургъ, 30 Мая 1872 г., праздновалъ 200 лѣтіе со дня рожденія Петра I; торжество началось въ Исаакіевскомъ соборѣ, сооруженномъ въ память св. Исаакія Далматскаго, память котораго празднуетъ церковь 30 Мая и въ честь этого святаго при Петрѣ Великомъ, на нынѣшней Петровской площади, [противъ Адмиралтейства поставлена была уже деревянная церковь. Торжество заключилось парадомъ войскъ возлѣ памятника Петра. Кромѣ того въ царствованіи Александра II были открыты памятники: въ г. Кронштадтѣ, работы архитектора-скульптора Жака; новый памятникъ Петру I въ Петрозаводскѣ иobeliskъ въ г. Нарвѣ. Наконецъ въ царствованіе Императора Александра III домикъ, въ которомъ жилъ Петръ Великій въ Заандамѣ, или какъ привыкли называть русскіе, въ Сардамѣ, былъ

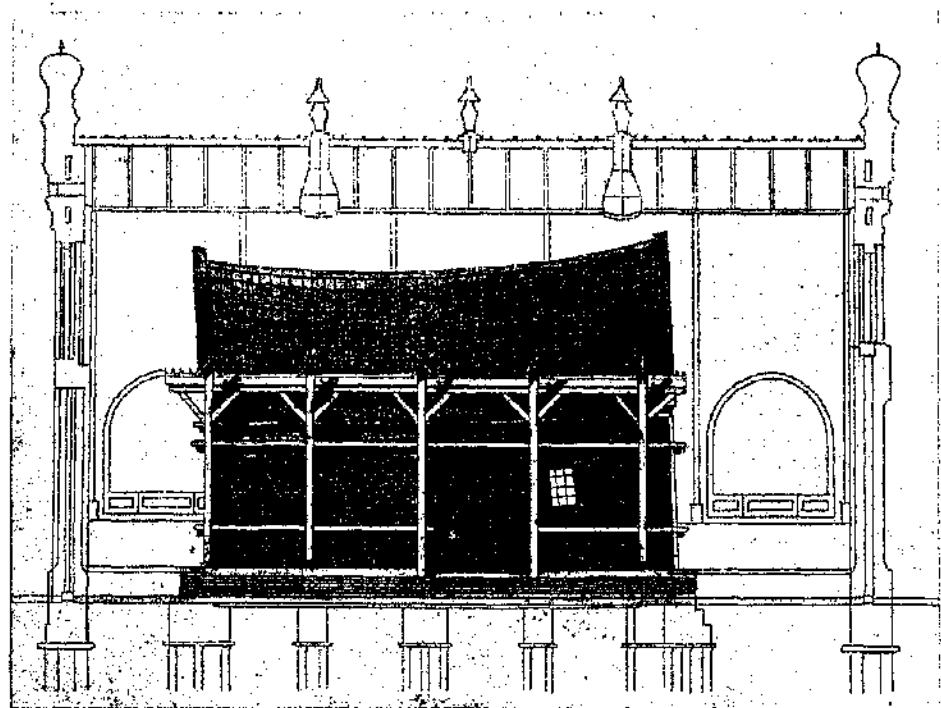
Видъ домина въ Заандамѣ въ которомъ жилъ Петръ I.
(съ гравюры XVIII вѣка).

подаренъ королемъ голландскимъ Вильгельмомъ III въ Божѣ почивающему Государю, а 1 Сентября 1897 г. въ царствованіи нынѣ благополучно царствующаго Императора Николая II праздновалось двухсотлѣтіе прибытія Петра Великаго въ Заандамъ. «Торжество это говорилось, въ одномъ русскомъ журналѣ, совпало съ тѣми днями, когда Западная Европа устами Императора Германскаго и Французскаго Президента торжественно привѣтствовала величіе Россіи. Совпаденіе это такъ знаменательно что какъ-то не хочется приписывать его простой случайности или прихоти судьбы. Оно являлось для Россіи въ эти дни яснымъ напоминаніемъ о томъ изъ ея Царей, который положилъ начало ея славы и могущества и своимъ примѣромъ показаль подданнымъ какимъ упорнымъ, неустаннымъ трудомъ достигаются высокія цѣли».

Домикъ въ которомъ жилъ Петръ I въ Заандамѣ принадлежалъ кузнецу Кисту. Онъ находится въ одномъ изъ самыхъ отдаленныхъ кварталовъ города и состоитъ всего изъ двухъ маленькихъ комнатъ съ мезониномъ надъ ними. Въ первой изъ нихъ сдѣлана для спанья ниша, имѣющая видъ большого створ-

чатаго шкафа. Отъ сарайчика, нѣкогда примыкавшаго къ дому, нынѣ не осталось и слѣда. Домикъ этотъ по смерти Герита Киста былъ проданъ его наследниками; нѣсколько разъ переходилъ изъ рукъ въ руки и долгое время оставался въ забвеніи. О немъ вспомнили въ 1781 г., когда его посѣтили: будущій Императоръ, Великій Князь Павелъ Петровичъ, путешествовавшій тогда инкогнито вмѣстѣ съ супругой, подъ именемъ графа и графини Сѣверныхъ; Іосифъ II Императоръ Австрійскій и король Шведскій. Ихъ примѣру стали слѣдовать и многіе знатные путешественники. Былъ здѣсь, между прочимъ, графъ Орловъ и, по приказу Екатерины II, подарилъ владѣльцу домика медаль съ ея изображеніемъ. Медаль эта затерялась. Между 1780 и 1783 годами домикъ былъ купленъ нѣкіемъ Вергуфомъ за сумму 178 флориновъ и долгое время отдавался внаймы владѣльцемъ. Жилецъ прибилъ у себя къ стѣнѣ кружку, куда посѣтители опускали приношенія. Хозяинъ и жилецъ дѣлили доходъ пополамъ. Хижина, однако, пришла въ такую ветхость, что Вергуфъ совсѣмъ было рѣшилъ раззорить ее, но нашелся нѣкій Бюльзингъ, который вступился за этотъ историческій памятникъ, приобрѣлъ его за 200 флориновъ и ремонтировалъ. Бюльзингъ получилъ должную награду за свое доброе дѣло: въ 1818 г. король Голландскій Вильгельмъ I купилъ домикъ за 6000 флориновъ и подарилъ его своей невѣсткѣ, женѣ наследнаго принца, дочери Императора Павла I, Аннѣ Павловнѣ. Принцесса немедленно озаботилась огражденіемъ историческаго памятника отъ разрушенія и съ этой цѣлью велѣла построить надъ нимъ навѣсъ на каменныхъ

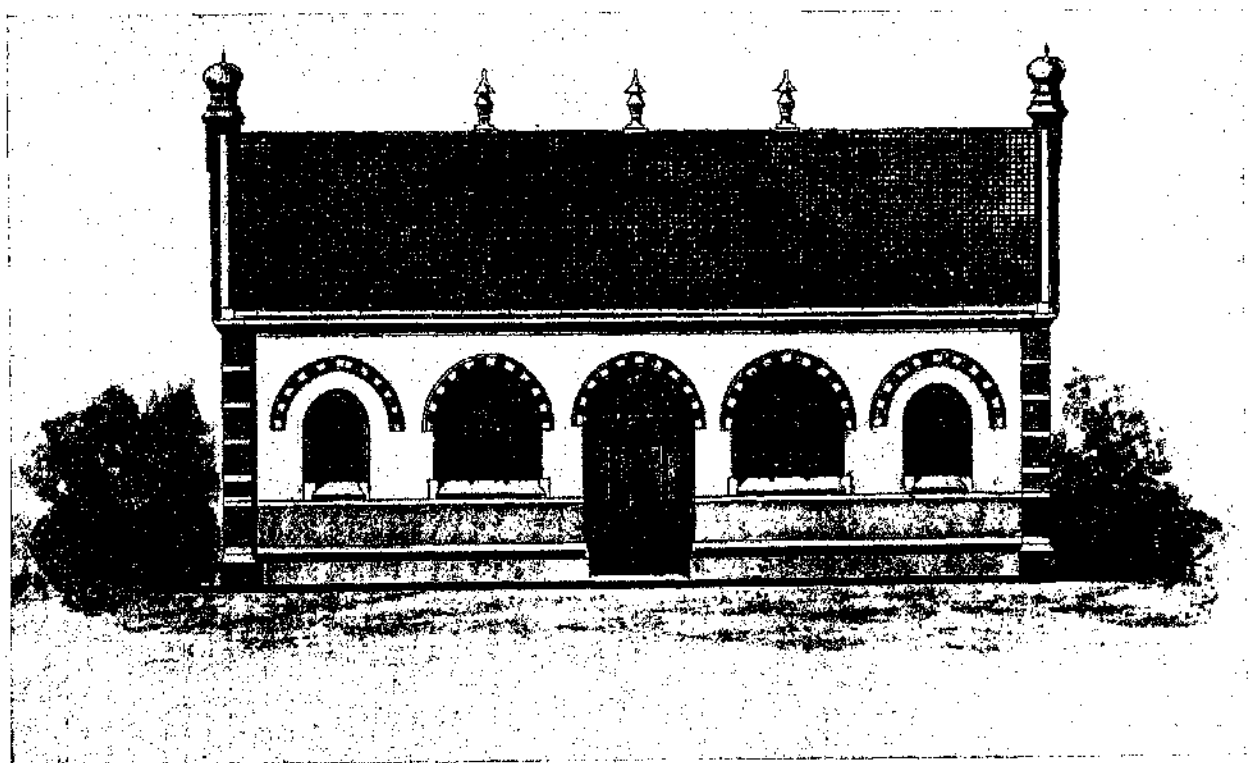
Разрѣзъ каменнаго строенія и домина Петра I.
Въ современномъ видѣ.

столбахъ, промежутки между которыми на зиму заставлялись щитами. Послѣ смерти королевы Анны Павловны, онъ перешелъ въ наследство къ принцу Генриху Голландскому, а потомъ въ 1879 г., къ королю Вильгельму III, который подарилъ его Императору Александру III. При немъ подъ домикъ былъ подведенъ новый каменный фундаментъ, чтобы защитить его отъ сырости, такъ какъ почва въ этой мѣстности очень низка и пропитана водою. Въ 1895 г. по повелѣнію Государя Императора Николая II, было сооружено изящное каменное зданіе, въ которое заключено незатѣйливое жилище Великаго Преобразователя Россіи. Въ наружную стѣну этой постройки ко дню юбилея была вдѣлана, сооруженная по почину Заандамцевъ и изготовленная на ихъ средства мраморная доска, съ золотою надписью по-русски и по-голландски: «Въ воспоминаніе пребыванія царя Петра 1697—1897», и съ цвѣтнымъ изображеніемъ герба Россіи и города Заандама. Зданіе отдѣляется отъ улицы красивою металлическою рѣшеткою съ Императорскою короной.

Официальное торжество началось въ полдень 18 Августа. Всѣ гости были

встрѣчены на станціи организаціоннымъ комитетомъ, съ бургомистромъ Ванъ Тиненомъ во главѣ, и тотчасъ же направились къ домику, сопровождаемые толпой народа. Бургомистръ снялъ покрывало, скрывавшее мраморную доску и сказалъ по французски рѣчь, разъяснявшую значеніе событія. Русскій посланникъ К. В. Струве произнесъ отвѣтную рѣчь, въ которой объявилъ, что Государь Императоръ, въ ознаменованіе Своего благоволенія къ почину заандамцевъ, жалуетъ городу Заандаму золотую медаль, воспроизведеніе Петровской медали 1696 г. на созданіе флота въ Россіи. Медаль эта хранится нынѣ въ ратушѣ, а серебряная копія ея въ домикѣ. Потомъ были сняты покрывала съ двухъ акварелей, помѣщенныхъ въ домикѣ. Онѣ изображаютъ его, какимъ онъ былъ 200 лѣтъ тому назадъ, и такимъ, каковъ онъ нынѣ. Сдѣланы онѣ архитекторомъ Зальманомъ, сыномъ строителя надстройки.

Итакъ, рассказавъ въ краткихъ словахъ, какимъ образомъ чествовалась память Петра Великаго въ теченіе двухъ прошлыхъ вѣковъ, мы должны на-

Современный наружный видъ постройки надъ домикомъ Петра I въ Заандамѣ.

помнить нашей столицѣ, что, вступивъ въ новый XX вѣкъ и живя наканунѣ, такъ сказать, второго своего юбилея, городъ нашъ обязанъ достоюльнымъ образомъ приготовиться къ новому своему торжеству и ознаменовать его, на примѣръ, введеніемъ всеобщаго обученія грамотности всего подрастающаго населенія Петербурга. Такое дѣло явится вполнѣ отвѣчающимъ новымъ взглядамъ исторической науки на личность Петра.

Еще въ предисловіи къ своей монографіи «Петербургская старина» академикъ П. П. Пекарскій писалъ: «Съ самыхъ первыхъ годовъ основанія, Петербургъ главнѣйшимъ образомъ имѣлъ двоякое назначеніе: во первыхъ, новый городъ, не связанный никакими историческими преданіями съ прошедшимъ Россіи, разумѣется, скорѣе и легче усваивалъ себѣ все то, что было до того добыто западною цивилизаціею и потому служилъ главнѣйшимъ проводникомъ просвѣщенія и знаній. Вотъ почему русскіе знатные и бояре, привыкшіе къ размахистому произволу, долго не свыкались съ Петербургомъ и еще во времена Елизаветы Петровны выискивали случаи, чтобы ускользнуть изъ Петер-

бурга въ Москву и оставаться тамъ какъ можно долѣе. Съ другой стороны, Петербургъ оказывалъ вліяніе на Россію тѣмъ, что въ немъ укрѣпились и развились до крайностей нѣкоторыя начала, выработавшіяся, впрочемъ, не въ Петербургѣ, а въ Москвѣ, въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій жизни всего русскаго народа. Эти начала въ XVIII столѣтіи, вслѣдствіе сближенія съ западомъ, перемѣнили только форму, но не сущность и вообще наносили ущербъ народности и лишали самостоятельности даже отдаленные края Россіи»...

А послѣдняго-то менѣе всего желалъ Петръ I и профессоръ В. О. Ключевскій въ превосходной статьѣ, помѣщенной въ «Журналъ для всѣхъ» за нынѣшній годъ, подробно останавливается на этомъ вопросѣ, доказывая, что Петръ Великій бралъ за границей лишь представлявшееся ему полезнымъ и не думалъ ломать русскаго только потому, что оно было русскимъ.

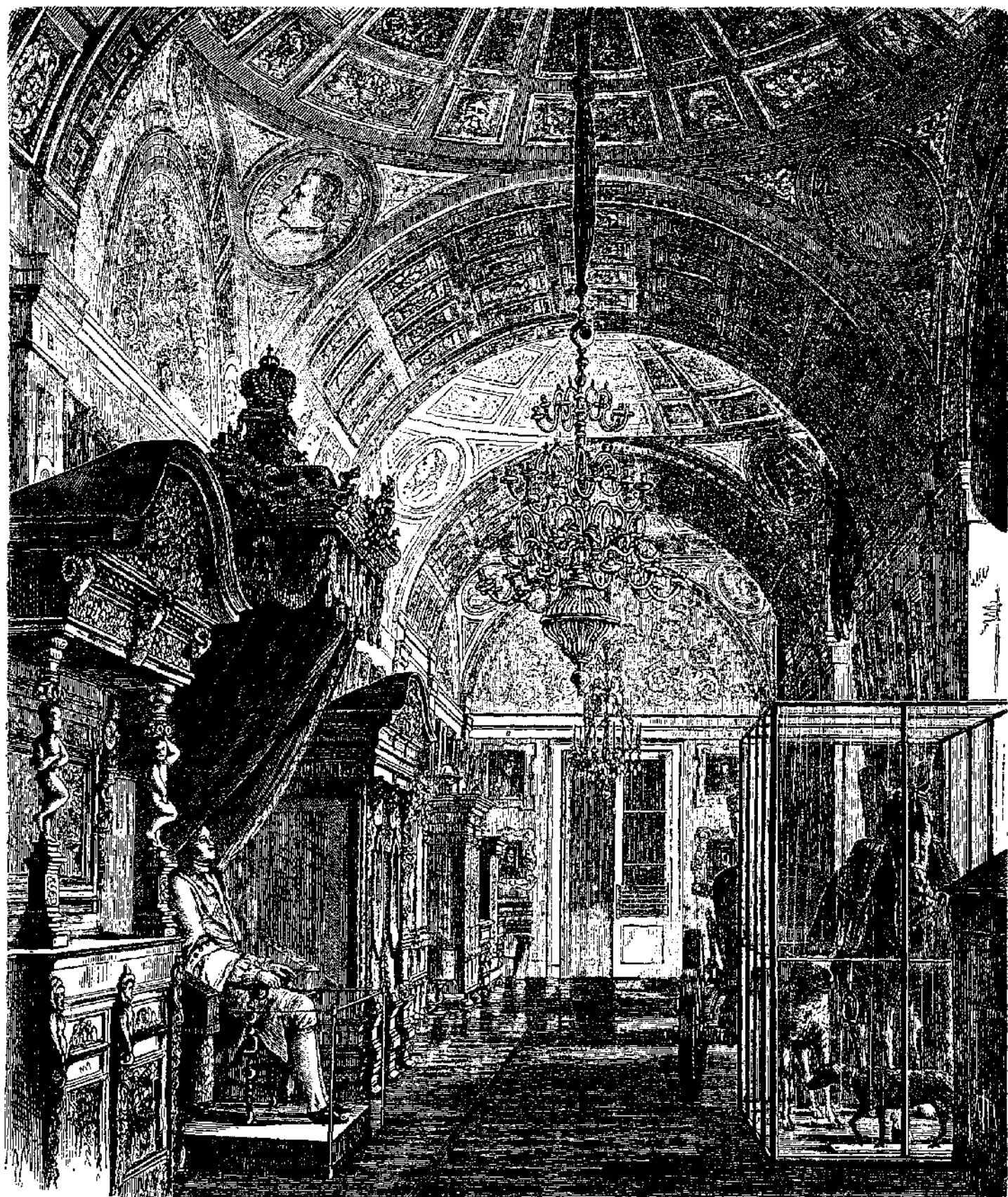
Внутренность дома Петра I въ Заандамѣ.

(Съ литографіи 1840 года).

«Петръ,—говоритъ В. О. Ключевскій,—видѣлъ только дѣло приличія, удобства или суевѣрія въ томъ, чему старорусское общество придавало значеніе религіозно-національнаго вопроса, и ополчался не столько противъ самыхъ обычаевъ русской старины, сколько противъ суевѣрныхъ представленій, съ ними соединенныхъ, и упрямства, съ какимъ ихъ отстаивали.»

«Это старорусское общество, такъ ожесточенно обвинявшее Петра въ замѣнѣ добрыхъ старыхъ обычаевъ дурными новыми, считало его беззавѣтнымъ западникомъ, который предпочитаетъ все западно-европейское русскому не потому, что оно лучше русскаго, а потому, что оно не русское, а западно-европейское. Ему приписывали увлеченія, столь мало сходныя съ его разсудительнымъ характеромъ. По случаю учрежденія въ Петербургѣ ассамблей, очередныхъ увеселительныхъ собраній въ знатныхъ домахъ, кто-то при Государѣ сталъ рас-

хваливать парижскіе обычаи и манеры свѣтскаго обхожденія. Петръ, выдавшій Парижъ, возразилъ: «Хорошо перенимать у французовъ науки и искусства, и я бы хотѣлъ видѣть это и у себя, а впрочемъ, Парижъ воняетъ». Онъ зналъ,

Петровская галлерей въ Императорскомъ Эрмитажѣ.

что хорошо въ Европѣ, но никогда не обольщался ею, и то хорошее, что удалось перенять оттуда, считалъ не ея благосклоннымъ даромъ, а милостью Провидѣнія. Въ одной собственноручной программѣ празднованія годовщины Ништадтскаго мира онъ предписывалъ возможно сильнѣе выразить мысль, что иностранцы всячески старались не допустить насъ до свѣта разума, да про-

Библ. Моск. ун-та
Фондъ
Историческаго
музея
1917 г.